

Отставной майор Дмитрий Иванович Сеницын проснулся рано, сел на кровать и задумался. Опять этот странный сон, не дающий покоя с тех пор, как он купил дом. Обычно снился он под утро. Большой сияющий крест выходил из темноты и парил в правом углу горницы. Увидев сон впервые, Сеницын не придавал ему никакого значения, но он повторялся вновь и вновь с назойливой периодичностью и так измучил Дмитрия Ивановича, что он, будучи человеком неверующим, теперь, прежде чем лечь в кровать, осенял себя крестным знаменем и шептал: «Господи, дай мне спокойного сна!»

За окном забрезжил рассвет, зарделась заря. Новый осенний день вступал в свои права. Дмитрий Иванович надел на ноги старые домашние тапки и, шоркая по полу, пошёл в горницу. Сквозь кружевные занавески сочился бледно-розовый свет. Он оглядел комнату и, убедившись, что ничего не изменилось, посмотрел в правый угол, где висела небольшая старая иконка, доставшаяся ему от прежнего хозяина.

Этот дом Сеницын купил по объявлению. Он давно мечтал о своём домике в небольшом селе и, выйдя в отставку, наконец-то осуществил давнюю мечту. Прежние хозяева умерли, и дом был выставлен на продажу. Желающих купить его не было, да и жильцов в селе осталось совсем немного, но это не смутило Дмитрия Ивановича. Места здесь было удивительные. Неширокая речушка, огибая село, ускользала ленточкой вдаль. За речкой раскинулся лес, а заливные луга пестрели цветами. Устроила Сеницына и цена. За рублёный старинный, но ещё крепкий

дом просили совсем немного, и сделка состоялась.

Ещё раз окинув горницу взглядом, Дмитрий Иванович отправился на кухню, включил электрический чайник и вновь задумался. Парящий в воздухе крест не давал ему покоя. Надо будет у соседей расспросить о бывших жильцах, решил он.

Ближе к обеду, в надежде с кем-нибудь встретиться и по возможности что-то разузнать, Сеницын отправился в маленький магазинчик в центре села. Народу на улице было совсем немного или, вернее, почти не было. Лишь какая-то молодка выглянула на улицу и, громко хлопнув калиткой, исчезла во дворе, да подросток проехал на велосипеде и скрылся за поворотом. Дмитрий Иванович вошёл в магазин.

Скусающая продавщица обрадовалась, увидев Сеницына. Она кокетливо повела головой, расправила плечи:

— Что-то вы, товарищ майор, давненько к нам не заходили? — мило улыбаясь, поинтересовалась она.

— Все дела, Людмила Юрьевна, — переминаясь с ноги на ногу, вежливо ответил он, — в город ездил, продукты оттуда привёз. Вот, за хлебом пришёл, — только успел произнести заранее заготовленную фразу, как хлопнула дверь, и в магазин вошла пышнотелая баба Люба, известная в селе своим крутым нравом. Ещё с порога, чертыхаясь и охая, стала ругать пьяницу и бездельника мужа, понося его различными нелестными словечками. Сеницын понял, что желаемого разговора не состоится, заплатил за покупку и пошёл домой. И тут ему повезло. На скамейке возле небольшой саманной развалюхи, греясь на солнышке сидела старушка.

Высохшая, совсем маленькая, в повязанном поперх фуфайки клетчатом платке, в валенках, которые ей были явно большими, с надетыми поперх калошами, шурясь, внимательно смотрела на Дмитрия Ивановича. Когда он поравнялся со скамейкой, вдруг спросила:

— А ты чей будешь-та? Не признала что-то.

Синицын растерялся:

— Да ничей. Дом неподалёку купил.

Теперь летом живу здесь.

— А, это ты дом Митрича купил!?

— Да, вроде.

«Вот, она, удача!» — подумал Дмитрий Иванович и подсел к старухе:

— А кем был ваш Митрич?

Старушке, видно, очень хотелось с кем-нибудь поговорить, а тут сосед сам подсел, и она затараторила:

— Комбайнером был. Хороший мужик! Безотказный, работающий! Мне с дровами всегда помогал. И привезёт, и нарубит...

Она задумалась, видно, что-то припоминая. Синицыну совсем не хотелось слушать нудные рассказы о дровах и всякой ерунде, и он быстро перевёл разговор на нужную ему тему:

— А дом этот он сам строил?

— Да нет. Ты что, не знаешь что ли?

На этом месте домишко рубленый стоял звонаря нашего, Васятки! А Митричу сельсовет его дал. Как домишко-то получил, пристрой сделал, да веранду справил.

— А кто такой Васятка?

— Ты, видно, совсем ничего не знаешь! — и довольная, что у неё нашёлся внимательный слушатель, поведала Дмитрию Ивановичу давнюю и уже забытую всеми историю:

«Марьевка наша была большим и красивым селом. Сорок дворов насчитывалось. Недалече от твоего дома стоял деревянный храм. А рядом до-

мишко Васятки — звонаря, значит. Сиротой он был. Отец с Гражданской войны не вернулся, а мать простудилась да померла. Жили в селе небогато, но дружно. Все в храм ходили. Священник был больно хороший. Правильный. Любили его сельчане. Он за Васяткой-то и присматривал. Беда пришла неожиданно. В конце двадцатых это случилось. Маленькая тогда была я, но помню всё. Донесли на батюшку нашего. Говорят, что это Гришки Косого работа. Был у нас такой: злой, завистливый да нелюдимый. Как-то ранним утром в село машина приехала. Вышел из неё энкаведешник в кожаной куртке, перепоясанный ремнями, за ним два бойца с ружьями. Они хотели священника нашего арестовать. А Васятка, тогда ему было лет шестнадцать, на колокольню забрался и бить в набат стал. Народ набежал и заступился за батюшку. Вскоре они снова появились. Приехали ночью, на грузовике, когда в селе все спали. Батюшке руки связали и хозяйничать в храме стали. Оклады с икон снимали, а сами иконы в одну кучу сбросили. Оклады, серебряную утварь, подсвечники — все стали в машину грузить. А Васятка по домам побежал, людей будить стал. Народ собрался, а церковь-то солдаты окружили и ружья на людей направили. Затем батюшку нашего в машину запихнули, а храм подожгли. Бабы завыли, мужики багры притащили, бревна горящие скидывают, огонь тушат. Смотрят, а в горящем храме Васятка мелькает. Иконы, значит, спасает. Схватит две иконы и сквозь огонь бежит с ними куда-то. Сгорел храм. А на следующий день Васятку в доме своём мёртвым нашли. Лежит бездыханный в уголке у иконы Пресвятой Богородицы. Обгорел сильно. Хоронили его всем селом. Говорили, что когда в землю опускали, голубка прилетела и на гроб села ...»

Старушка замолчала, смахнула сморщенной рукой набежавшую слезу и добавила:

«Дом вскоре сельсовет себе забрал. В нем они заседали. А после войны Митричу за хорошую работу его отдали, а сами в другое село переехали. Наше-то совсем опустело. В последнее время в доме-то они вдвоём с женой жили, а дети ихние в город перебрались. А как жена померла, Митрич умом тронулся. Всё ходил по селу и напевал:

«Крест сияет, крест Господний

Над землёю он парит.

Гришка стонет в преисподней,

Строго Бог на нас глядит...»

И всё про какой-то крест говорил. Мол, грех совершен, поэтому наказаны. Скажет это и плачет. Дочь с зятем не раз забирали его в город, а он от них сбежит и снова по селу ходит и поёт. Не на много жену пережил, по весне и он ушел».

Синицын не верил своим ушам... Теперь он всё понял. Крест являлся и Митричу. Вот тебе и сон!

— А Васятка где захоронен? — озадаченно спросил он.

— Да на нашем сельском кладбище. Справа, в самом углу его могилка с покосившимся крестом. Надпись почти стёрлась, но прочитать можно «Панкратов Василий Лександрыч».

Попрощавшись со старушкой, Дмитрий Иванович пошёл домой, но по пути передумал и отправился на кладбище. Могилка была найдена быстро. Как и говорила старушка, крест совсем обветшал и покосился. «Пора новый поставить...», — подумал Синицын. Немного постоял, осмотрелся, затем присел на корточки и заговорил: «Здравствуй, Василий Александрович! Прости, что беспокою, но ты знаешь, зачем я пришёл. Это не я дом выбрал, а дом — меня. Это ты привёл меня к нему и хочешь, чтобы я тайник твой отыскал. Сложную ты мне задал за-

дачу. Ох, и сложную!» Легкий ветерок скользнул по лицу, прошелестел в траве и затих. «Спасибо, Васятка, услышал я тебя!» — вставая, прошептал отставной майор...

Новый день прошел в хлопотах. Дмитрий Иванович искал тайник. Он ходил вокруг дома, простукивал доски, спускался в подпол, внимательно осматривая его стены и пол, забирался на чердак, но все его усилия были тщетны. А ночью он увидел прежний сон. Сияющий крест, но не парящий как прежде в воздухе, а стоящий на полу в правом углу. Синицын проснулся. Теперь он знал, где искать спасённые Васяткой иконы.

Вскоре, вооружившись гвоздодёром и топором, осторожно оторвал первую доску. Она была совсем старая и в некоторых местах подгнившая. С такой же осторожностью была снята вторая и третья доска. И что это? В паутине, под многолетним слоем пыли, завернутые в мешковину на земле лежали храмовые иконы. Дмитрий Иванович бережно вынул первую. Рядом находилась вторая, а чуть поодаль — третья. Когда Синицын извлек последнюю икону, то увидел деревянный крест с наброшенной на него пыльной тряпкой. «Вот ты какой!» — неожиданно вырвалось из его уст. Трясущимися от волнения руками он вынул его на свет. Крест был средних размеров, красивой ручной работы и явно старинный. «Сколько же лет он ожидал, чтобы вновь явиться людям!» — думал Дмитрий Иванович, а вслух произнес: «Измучил ты меня совсем!» Аккуратненько, чтобы не навредить иконам, он снял с них мешковину, отер пыль и положил на диван. Затем посмотрел в правый угол на лик Пресвятой Богородицы и решительно произнес: «Ну, что, Васятка, пора нам за храм браться! Крест и иконы должны людям служить! Заждались они этого часа!»